

Соловьев К.А.

Характеристика власти великого князя Ивана III в советской историографии 1920-х – 1950-х гг.

Отношение к великокняжеской власти и оценка властных отношений в историографии 1920-х гг. определялись, в первую очередь, общими для исторической науки чертами: резким снижением общественного интереса к событиям ранних этапов истории страны; потребностью в длительной паузе, взятой для переосмысления исторических событий, с позиций новой государственной идеологии; сокращением количества историков-профессионалов. С учетом того, что и ранее вопрос о характере властных отношений во второй половине XV в. почти не вызывал самостоятельного интереса, вполне ожидаемо положение, при котором, сложившиеся в дореволюционной историографии оценки, латентно продолжали существовать до того момента, когда история формирования Московского государства стала вновь востребована обществом, прежде всего, в идеологических целях.

Максимально точно эту угасающую традицию в характеристике властных отношений Московской Руси, периода ее становления, выразил, в своих трудах, А.Е. Пресняков. Следуя мысли В.О.Ключевского о том, что в процессе формирования государственной территории выявилось противоречие между традиционными вотчинными представлениями о власти московского государя и потребностями государства, Пресняков, раз за разом в своих работах повторял, что «единодержавие и самодержавие московских государей явилось итогом собирания разрозненной власти над территорией Великороссии и ее населением»¹. Он писал, что власть «государя князя великого» не только выросла «на развалинах традиционного строя отношений, освященного вековыми навыками моральных и правовых воззрений», но и «перестраивала их заново (...) воплощая по-своему стародавнюю традицию старейшины среди русских князей «в отца место» с небывалой полнотой – до крайней степени, до представления о великом князе как «государе над всеми государями Русской земли», самодержавном в своем абсолютизме, в своей свободе от всяких традиционных норм, кроме одной – своей владельческой воле»².

Смысл перестройки властных отношений, по Преснякову, в параллельном развитии двух «сюжетов». Первый из них состоял в том, что «ядро Великороссии

¹ Пресняков А.Е. Образование Великороссии. Очерки по истории XIII – XV столетий. Пг., 1918. С. 409.

² Пресняков А.Е. Московское царство. Общий очерк. Пг., 1918. С. 27.

спланировалось великокняжеской властью в единое Московское государство, параллельно с подчинением той же вотчинной власти великого князя остальных ее областей, под сильным влиянием внешних отношений, напряженность которых все возрастала»³. При этом Преснякову крайне важно было подчеркнуть, что смыслом процесса формирования государства был не процесс собирания земель, территорий, а *процесс собирания власти* на этих территориях⁴.

Второй сюжет связан с переменами в отношениях между великим князем и теми слоями населения, которые раньше могли выступать в качестве субъектов властного взаимодействия – боярами и дворянами. «Во второй пол XV в., – писал Пресняков, – вотчинное землевладение и вольная служба склоняются перед вотчинным единодержавием государя великого князя. Бояре, дети боярские и дворяне великого князя одинаково «невольные» его слуги, и эта смена основных начал политического строя осмысливается в общественном сознании эпох, не как смена вольной личной службы состоянием обязательного подданства власти, а как переход в ее личную зависимость, полную и безусловную»⁵.

Инициатива по внедрению новой трактовки подданства, по Преснякову, исходила от самого государя и только от него. Он, в отличие от писавшего ранее на эти темы М.А.Дьяконова, не считал необходимым соотносить происходившую перестройку властных отношений с церковной традицией и идеями самодержавства, вызревавшими в церковной среде. И тем более он не видел необходимости представлять перемены во властной сфере как адаптацию Византийских традиций к реалиям Московской Руси. Один из выводов (№8) в книге «Образование Великороссского государства», сформулированный так: «Сосредоточение всей власти в руках московского государя достигнуто путем фактической ломки и принципиального отрицания силы обычного права в пользу вотчинного самодержавия»⁶, – не оставляет никаких сомнений в том, что Пресняков считал основой формирования самодержавной традиции вол властных отношениях. Это традиционные формы русской великокняжеской власти, доведенные до своего логического конца и распространенные

³ *Он же*. Образование Великороссского государства... С. 427. В другой работе эта же мысль выражена так: «Вся вотчинная власть стянута к одному центру. Единодержавный ее носитель воплощает это единство и мог бы сказать, в полном согласии с полит правосознанием своего времени: «государство – это я». – Московское царство. С. 29.

⁴ «Объединение Великороссии под государством великих московских князей совершено путем собирания не земли, а власти в развитие и осуществление стародавней традиции о патриархальном великом княжении «в отца место» (*Он же*. Образование Великороссского государства. С. 458.)

⁵ *Он же*. Московское царство С. 44.

⁶ *Пресняков А.Е.* Образование Великороссского государства. С. 458.

на все слои общества, находившегося в условиях крайне еще неопределенного состояния границ владения и расселения⁷.

Книги Преснякова, вышедшие из печати в 1918 г., писались без оглядки на идеологию марксизма. Их можно считать последним высказыванием дореволюционной эпохи, прозвучавшим уже после начала революции. Иное дело – труды М.Н.Покровского (созданные как задолго до революции, так и в 1920-е гг.), пусть даже не посвященные специально времени Ивана III. Здесь нам важен сам подход к пониманию характера властных отношений II пол. XV в., увязанный с общей концепцией отечественной истории. И в этом подходе (обозначенном уже в 1910 г.) важны три составляющие. *Первая* – собственная мысль Покровского, о характере власти московского великого князя. Покровский считал, что в эпоху Ивана III, а точнее во время походов на Новгород, власть великого князя получила свою опору в лице «московского посада»⁸. Позже в 1920 г., Покровский ужесточил эту позицию, или, если можно так выразиться, «перевернул ее», заявив, что «московский великий князь» в борьбе за власть в Новгороде и Пскове был «орудием» «московской буржуазии», то есть, в первую очередь, купцов⁹.

Вторая составляющая первого (по времени появления) марксистского объяснения характера власти великого князя, периода становления Московского государства, в значительной мере заимствована у М.А.Дьяконова, что вполне объяснимо. Именно Дьяконов, в предшествующей революции период, был самым крупным специалистом по истории Московской Руси и не считаться с его позицией историку «широкого профиля» было невозможно. Соответственно, мнение Дьяконова о том, что идеологическое обеспечение власти московских государей было разработано в структурах православной церкви и было использовано в качестве уже готовой доктрины, было перенесено в концепцию Покровского: «У нас в России, теория политического единодержавия, осмыслившая и связавшая в одно целое пеструю практику ощупью двигавшегося «собрания», тоже обязана своим возникновением всецело церковной литературе»¹⁰. Правда, имя в виду марксистское (то есть, в первую очередь экономическое) объяснение исследуемых процессов, Покровский ввел одну

⁷ Пресняков А.Е. Образование Великоросского государства. С. 430.

⁸ Симпатии московского общественного мнения к «благочестия делателю», великому князю Ивану Васильевичу – имели, как видим, очень материальное основание. Московский посад не мог не сочувствовать походу, кот передавал торг гегемонию над Русью в его руки. Но еще больше должны были сочувствовать делу его непосредственные руководители – московские бояре. – Покровский М.Н. Русская история. Т. 1. Кн. 2. М. 1910. С. 232 (То же в стереотипном издании 1933 г. С. 133).

⁹ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М. 1920. С. 51–52.

¹⁰ Покровский М.Н. Русская история. Т. 1. Кн. 2. М. 1910. С. 242.

поправку к теории Дьяконова. Одна состоит в том, что церковь смогла сформулировать теорию единой державы лишь потому, что она «шла впереди светского феодального общества», что, в свою очередь объясняется ее «экономической прогрессивностью» и «учреждением, в котором единство было практически достигнуто – где, стало быть, было место для теории единой державы»¹¹.

И, наконец, *третья составляющая* подхода Покровского – принципиальное единство Российской и европейской истории. В своей работе 1920 г., «Русская история в самом сжатом очерке», Покровский пишет: «...мало по малу из феодального хаоса могло составиться нечто цельное, должна была образоваться *феодальная монархия* (единой державы). Именно этим путем собирания отдельных феодалов вокруг одного и возникли крупные западноевропейские государства. Так сложилось, например, средневековое французское королевство, также образовалось и Московское царство»¹².

Так, через заключение союза великого князя «с посадом» и заимствования идеологического обеспечения в виде «теории политического единой державы» от православной церкви, Покровский представлял себе процесс перехода к новому характеру властных отношений. Но в чем, по его мнению, они состояли? На этот вопрос Покровский отвечает кратко: «Неопределенная зависимость слабого от сильного, лежавшая в основе княжеских договоров удельной поры, сменяется вполне определенным подданством удельного князя, как православного христианина, главе всемирного христианского царства»¹³. Если присмотреться внимательно к этому тезису, то мы обнаружим, что при всей марксистской заданности вектора объяснения, сам по себе характер изменений во властной сфере, в рамках концепции Покровского, ничем не отличается от того, который был обозначен еще в работах Н.П. Павлова-Сильванского в конце XIX в. и, как мы уже отмечалось выше, М.А. Дьяконова.

Во второй половине 1930-х гг. «эпоха Покровского» в объяснении Российской истории прерывается и, наступает «эпоха Базилевича», поскольку именно этот историк дал развернутую критику взглядов Покровского применительно к XV веку в этапном сборнике «Против исторической концепции М.Н. Покровского», а впоследствии написал несколько учебно-методических работ по истории и становления Московского государства.

Уже в статье «Торговый капитал» и генезис московского самодержавия», помещенной в вышеупомянутом сборнике, Базилевич обозначил линию разрыва со

¹¹ Покровский М.Н. Русская история. Т. 1. Кн. 2. М. 1910. С. 241–242.

¹² Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 41.

¹³ Покровский М.Н. Русская история. Т. 1. Кн. 2. С. 250.

старой – дореволюционной – историографией, которую, как ему представлялось, Покровский не преодолел, сохранив в своей концепции «следы вотчинной теории происхождения Московского государства, развитой в работах Соловьева и Ключевского»¹⁴. Кроме того, принципиально важным в данной работе, на наш взгляд является тезис о том, что «создание русского национального государства при Иване III – Василии III сопровождалось крупнейшими изменениями в политическом устройстве, как земель Московского княжества, так и новых присоединений»¹⁵. В историографии XIX – XX в., доминировало мнение о медленном, постепенном прорастании новых форм государственной власти сквозь наслоения старых. А многие историки настаивали на том, что Иван III не привнес во властные отношения ничего принципиально нового. Базилевич обозначает иной подход, суть которого в том, что II пол. XV в. являет собой период коренной перестройки властных отношений, в результате чего, сложилась совершенно новая ситуация во властной сфере: «Московский великий князь в конце XV и в начале XVI в. обладал (...) огромными преимуществами, полученными в результате развития более совершенной административно-политической организации и устройства военных сил»¹⁶.

В работах 1940-х гг., имеющих не столько научное, сколько установочно-методическое значение, К.В.Базилевич дал развернутую характеристику властных отношений в Московском государстве обозначенного периода. Прежде всего, Базилевич дал классовую оценку сути властных отношений, исключив из нее, разумеется, формулу «торгового капитала», Покровского: «Таким образом, в начале XV в. внутри господствующего класса сложились две основные группы: привилегированных землевладельцев-вотчинников (бояре), в положении которых намечался упадок материальных средств и политического влияния, и служилых землевладельцев (дворяне), которые стояли на пути экономического развития и полит господства»¹⁷.

Вслед за тем он обозначил вектор преобразований во властной сфере: «Усиление великокняжеской власти в конце XV в. было результатом борьбы с

¹⁴ Базилевич К. «Торговый капитал» и генезис московского самодержавия. // Против исторической концепции М.Н.Покровского. Ч. 1. М.-Л. 1939 С. 146.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Базилевич К. В. Образование Русского национального государства. Курс истории СССР для ВПШ при ЦК ВКП(б). Лекция 11 Стенограмма 20 декабря 1939 г. М. 1940. С. 18.

остатками феодальной раздробленности»¹⁸, и социально-экономическую основу этого процесса – перевод слуг вольных на положение подданных¹⁹. В числе мер, утверждавших новые отношения в сфере власти, автор отметил: последовательное отстранение от управления тех бояр и советников, которые пытались играть самостоятельную роль на протяжении всех 1580-х и 1590-х гг.²⁰, сокращение числа уделов; брак с Софьей Палеолог, «который должен был поднять его (Ивана III – К.С.) значение в Европе»²¹. При этом Базилевич специально оговорил, что перемены во властной сфере «объясняются не внушениями его супруги, а глубоким пониманием исторических задач, стоявших перед молодым Русским государством»²². Все эти меры привели к ослаблению влияния на власть со стороны великокняжеской семьи, боярства и церкви и укрепили новую опору самодержавной власти – «служилое дворянство, нуждавшееся в поместных землях»²³. Внешним оформлением «нового политического положения великого князя московского», стали, по Базилевичу титул «государь всея Руси», герб, шапка Мономаха и другие символы царской власти²⁴.

Анализ изменений во властной сфере в период правления Ивана III, проведенный К.В. Базилевичем, наиболее полный для периода 1920-х – 1940-х гг. Но при сравнении с тем, что писали по этой теме Ключевский, Владимирский Буданов, Дьяконов и Пресняков, он выглядит фрагментарным и проведенным наскоро и с одной целью – ввести марксистское, классовое объяснение процесса формирования самодержавной власти в Московской Руси. Вместе с тем, даже в таких, служебных, по своему характеру работах, нашлось место одному чрезвычайно важному наблюдению: «...процесс усиления старшего наследника, который мы можем проследить с начала XIV в., нашел в завещании Ивана III свое завершение»²⁵. Этой короткой фразой К.В.Базилевич обозначил очень интересную тему для дальнейших исследований – тему формирования и закрепления наследственного принципа передачи власти, того

¹⁸Базилевич К. В. Образование Русского национального государства. Курс истории СССР для ВПШ при ЦК ВКП(б). Лекция 11 Стенограмма 20 декабря 1939 г. М. 1940. С. 25.

¹⁹ Он же. Образование русского национального государства. В помощь преподавателю дивизионной школы партийного актива. М. 1946. С. 35.

²⁰ Там же. С. 34.

²¹ Он же. Образование Русского национального государства. Курс истории СССР для ВПШ при ЦК ВКП(б). С. 25.

²² Он же. Образование русского национального государства. В помощь преподавателю дивизионной школы партийного актива. С. 41.

²³ Он же. Образование Русского национального государства. Курс истории СССР для ВПШ при ЦК ВКП(б). С. 31.

²⁴ Там же. С. 26.

²⁵ Там же. С. 27.

принципа, который на протяжении всей российской истории от глубокой древности до самого конца XVIII в. не мог найти своего полного воплощения.

На фоне этого, пусть отрывочного, но глубокого по пониманию процессов, проходивших во властной сфере, анализа, представленного К.В.Базилевичем, работа В. Снегирева «Иван Третий и его время», предстает крайне неудачным набором пропагандистских штампов. Максимального пафоса (при минимальной убедительности) автор достигает как раз в характеристике процесса усиления власти великого князя Московского: «Разумеется, не своими силами достиг Иван тех результатов, которые дало его правление: на его стороне, несомненно, стояло все население страны, весь русский народ, который, понимая прогрессивную политику Ивана Васильевича, активно поддерживал его. Широкие массы чувствовали, что в своих действиях Иван Васильевич проявлял не просто жадность завоевателя и даже не стремление только к увеличению своих материальных сил (...), но что он руководился настоящей государственной идеей. Знаменем своей деятельности Иван III, прежде всего, взял идею, которая была наиболее дорога его русским современникам и которая более всего была способна привлечь их к нему. Эта идея всегда являлась одним из наиболее могучих двигателей в истории русского народа – *идея объединения всех русских земель в одно целое* (курсив автора – К.С.)²⁶».

Мнение С.В.Юшкова, прозвучавшее в его учебном курсе по истории права середины 1940-х гг., можно с полным основанием объединить с позицией К.В. Базилевича. Главным, в процессе трансформации властных отношений из феодальных в самодержавные он также считал борьбу великого князя с «крупными феодалами», которые «ограничивали его власть»²⁷. Вместе с тем, Юшков особо обратил внимание, что усиление власти великого князя происходило и по мере «уменьшения власти ханов»²⁸. Что же касается «внешних» проявлений этой трансформации (брак с Софьей Палеолог, титул, церемониал), то здесь Юшков ни в чем не расходился во мнении с Базилевичем и большинство дореволюционных историков.

На рубеже 1940-х – 1950-х гг. в журнале «Вопросы истории» прошла дискуссия о периодизации феодализма в России, в рамках которой были высказаны ряд тезисов о характере власти великого князя Всея Руси Ивана III. В этой дискуссии приняли

²⁶ Снегирев В. Иван Третий и его время. Образование Русского национального государства. М. 1942. С. 61.

²⁷ Юшков С.В. Учебное пособие по истории государства и права. Вып. 3. Общественно-политический строй и право феодальных княжеств и русского государства, в период превращения его в централизованное (до сер. XVI в.). М., 1945. С. 43.

²⁸ Там же.

участие все ведущие специалисты по проблемам истории феодализма того времени. Открыла дискуссия статья К.В.Базилевича «Опыт периодизации истории СССР пер феодализма»²⁹. В этой статье К.В.Базилевич в качестве рубежа между периодами феодальной раздробленности и централизованного государства, предложил 80-е годы XV в. Он определил государственный строй России конца XV – начала XVI вв., как «сословную монархию». Для характеристики централизованного государства он предложил следующие параметры: «центральные органы управления, распространяющие свои действия на всю территорию страны; развитие общего законодательства, которое поглощает или отменяет местные законы; замена вассалитета отношениями подданства; ликвидация частных иммунитетных прав, единая организация военных сил, непосредственно подчиненных верховной власти, в качестве орудия его классовой, внутренней и внешней политики»³⁰. Его общий вывод: «централизованная система является новой формой государственной власти по сравнению организацией полугосударств, существовавших во времена феодальной раздробленности»³¹.

А.А.Зимин поддержал К.В.Базилевича в определении рубежной грани между феодальной раздробленностью и централизованным государством. Его уточнение к характеристике Базилевича точно соответствует общему состоянию гуманитарных наук этого периода: «Правительство Ивана III, в целях обеспечения господства феодалов вынуждено было провести целый ряд реформ, упрочивший государственный аппарат, усилив тем самым эксплуатацию основных масс непосредственных руководителей»³².

Еще одно уточнение, в рамках концепции Базилевича, внес А.Пьянков: «...московские князья Иван III и Василий III добились более независимого положения от бояр по сравнению со своими предшественниками, особенно московскими князьями XIV века. Этому способствовал начавшийся уже в XV веке упадок политической роли боярства, в связи с политическим возвышением мелких феодалов – дворян – и распадом боярско-церковного блока, вызванного тем, что бояре стали занимать оппозиционное положение по отношению к великокняжеской власти, тогда как большинство духовных феодалов продолжало ее решительно поддерживать»³³.

²⁹ Базилевич К.В. Опыт периодизации истории СССР пер феодализма // ВИ. 1949 № 11. С. 65–90.

³⁰ Там же. С. 71.

³¹ Там же.

³² Зимин А. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феод периода // ВИ 1950 № 3. С. 74.

³³ Пьянков А. О периодизации истории феод отношений в России // ВИ 1950 № 5. С. 80.

Подводящие итоги этой дискуссии В.Т.Пашуто Л.В.Черепнин, оставили в своем тексте именно те положения, которые соответствовали позиции Базилевича и, одновременно, учитывали «классовый» подход к историческим процессам, (почти в тех же самых выражениях, которые так аккуратно использовал А.А.Зимин): «Длительная борьба феодальной раздробленности и крепнущей великокняжеской власти закончилась внушительной победой последней. Говоря о смене государственных форм в России, с конца XV в. можно начинать период монархии централизованного русского государства, пришедшей на смену монархии времени феодальной раздробленности. (...) Реорганизация центр аппарата власти, ограничение прав бояр-наместников (кормленщиков), первые опыты введения на местах дворянских органов управления (...) Вся эта перестройка государственного аппарата служила интересам господствующего класса, получившего в свои руки более эффективные и действенные средства для поддержания своей власти»³⁴.

Позиция К.В. Базилевича нашла отражение и в этапных для советской исторической науки «Очерках истории СССР». Властным отношениям здесь посвящено несколько фраз. Ключевыми представляются две. Первая: «...упадок прежнего политического значения бояр и «вольных слуг» был связан с их изменившимся положением в системе единого Русского централизованного государства». Вторая: «Не среди обломков княжеских династий с их консервативными настроениями и политическими притязаниями, а в составе военных слуг своего «двора» великокняжеская власть нашла и социальную и политическую опору для борьбы с остатками феодальной раздробленности»³⁵.

При этом в том объяснении процессов, проходивших во властной сфере конца XV века, которое давали Базилевич и согласные с ним историки в 1950-е гг., большой новизны найти нельзя. В 1951 г. вышло очередное издание книги В.В.Мавродина, первое издание которой относится к 1937 г. В ней мы можем встретить набор положений, которые если не дословно, то по духу и смыслу совпадали с тем, что были высказаны в дискуссии на страницах «Вопросов истории». В.В.Мавродин писал о том, что «укрепление Русского государства при Иване III (...) было обусловлено созданием централизованной власти, установившей систематическую феодальную эксплуатацию крестьянства». Центральный тезис в его характеристике властных отношений выглядит

³⁴ Пашуто В.Т. Черепнин Л.В. О периодизации истории России эпохи феодализма // ВИ. 1951. С. 65–66.

³⁵ Очерки истории СССР Период феодализма IX–XV вв. Ч. 2. Объединение русских земель вокруг Москвы и образование русского централизованного государства. М., 1953. С. 299.

следующим образом: власть «государя всея Руси» и «самодержца» опиралась на хорошо организованную военную силу и государственный аппарат».

Правда, Мавродин не выдвигал на передний план роль дворянства, как основной силы поддерживающей центральную власть. При этом оно, следуя мнению многих историков XIX и начала XX вв., особо подчеркивал значение личности великого князя: «Ив III, – писал он – старается подчеркнуть эти перемены. Следствием возвеличивания великокняжеской власти было, прежде всего, изменение титула»³⁶. Нововведения того же ряда: перемены в княжеском дворе и введение в нем новых чинов, создание новых палат, введение герба.

Таким образом, к середине XX века в советской исторической науке утвердился общий подход к оценке властных отношений. Тезисно, этот подход можно сформулировать так:

- формирование централизованного государства во II пол. XV в. сопровождалось усилением власти великого князя Московского и перерастания ее в самодержавную;
- классовое содержание этой трансформации в том, что крупные феодалы (вотчинники) теряли влияние на власть, а новой опорой власти становилось поместное дворянство;
- формированию нового типа властных отношений соответствовали изменения в оформлении власти, связанные с политическими символами и жизнью двора.

Проблема возникновения политических идей, оформивших доктрину самодержавной власти, влияние на этот процесс церкви, роль личности великого князя в процессе трансформации его власти и ряд других проблем, интересовавших дореволюционных историков, в данный период, если не выпали целиком из внимания историков, то, по крайней мере, не считались актуальными.

Список литературы:

1. *Базилевич К.В.* Образование русского национального государства. В помощь преподавателю дивизионной школы партийного актива. М., 1946.
2. *Базилевич К.В.* Образование Русского национального государства. Курс истории СССР для ВПШ при ЦК ВКП(б). Лекция 11 Стенограмма 20 декабря 1939 г. М., 1940.

³⁶ *Мавродин В.В.* Образование единого Русского государства. М.; Л., 1951. С. 198.

3. *Базилевич К.В.* Опыт периодизации истории СССР пер феодализма // ВИ. 1949. № 11. С. 65–90.
4. *Базилевич К.В.* «Торговый капитал» и генезис московского самодержавия // Против исторической концепции М.Н.Покровского. Ч. 1. М.; Л., 1939.
5. *Зимин А.* Некоторые вопросы периодизации истории СССР феод периода// ВИ. 1950. № 3.
6. *Мавродин В.В.* Образование единого Русского государства. М.; Л., 1951.
7. *Очерки истории СССР Период феодализма IX–XV вв. Ч. 2. Объединение русских земель вокруг Москвы и образование русского центр государства. М., 1953.*
8. *Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* О периодизации истории России эпохи феодализма // ВИ. 1951.
9. *Покровский М.Н.* Русская история. Т. 1. Кн. 2. М., 1910.
10. *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1920.
11. *Пресняков А.Е.* Московское царство. Общий очерк. Пг., 1918.
12. *Пресняков А.Е.* Образование Великоросского государства. Очерки по истории XIII – XV столетий. Пг., 1918.
13. *Пьянков А.* О периодизации истории феод отношений в России // ВИ. 1950. № 5.
14. *Снегирев В.* Иван Третий и его время. Образование Русского национального государства. М., 1942.
15. *Юшков С.В.* Учебное пособие по истории государства и права. Вып. 3. Общественно-политический строй и право феодальных княжеств и русского государства, в период превращения его в централизованное (до сер. XVI в.). М., 1945.